

О ГУМАНИЗМЕ ГРИГОРА НАРЕКАЦИ И ПОЭТОВ-СУФИЕВ

А. В. САФАРЯН

В средневековых литературах существенное место занимает трактовка понятий «Бог» и «Человек»; здесь выявляются этические, эстетические, космологические, онтологические и др. воззрения средневековых авторов: посредством определенной интерпретации этих понятий в художественных произведениях отражается и гуманизм авторов. На наш взгляд, небезынтересно обратиться к гуманизму великого армянского поэта-мистика Григора Нарекаци и провести некоторые параллели между его произведениями и произведениями поэтов-суфиев именно с позиций динамики трактовки понятий «Бог» и «Человек» и их взаимосвязи, притом при сопоставлении важно обнаружить как сходство, так и различия, ибо «различия свидетельствуют (в сочетании со сходствами) о национальном своеобразии каждой из средневековых литератур»¹.

Воистину в поэзии Нарекаци глубоко отображен внутренний мир человека с «противоречиями и борьбой, страданиями и чаяниями. В поэзии Нарекаци человек—это не представитель серой массы, равной перед богом, а носитель индивидуального внутреннего мира, носитель социального мира, с его борьбой двух начал—добра и зла. Наконец, человек Нарекаци представляет «грешный мир», людские грехи, самые различные, какие возможно представить и какие были совершены перед богом, вплоть до восстания, направленного против его могущества...»². Но поэт как бы не приемлет «бога-судью» и «бога-наказывающего», стремясь видеть в боге только «спасителя» от грехов и душевных мук:

Будь мне как врач, сочувствующий мне,
И не будь судьей, что зовет на следствие³.

Или же: (пер. Л. Мкртчяна и М. Дарбинян)

Մի յաւելուր հեծութեանն ցաւ,
Մի խոցեր զվիրաւորեալս,
Մի դաշապարտեր զպատժեալս,
Մի տանչեր զշարշաբեալս,
Մի գանձեր զհարուածեալս...⁴

Не умножай боли мои,
Не пронзай меня раненого,
Не суди наказанного,
Не мучай измученного,
Не бей избитого...

¹ См.: Д. С. Лихачев, Предисловие к сборнику «Армянская и русская средневековые литературы», Ереван, 1986, с. 5.

² В. К. Чалоян, Армянский Ренессанс, М., 1963, с. 126.

³ См.: Григор Нарекаци, Книга Скорби, Ереван, 1977, с. 436.

⁴ См.: Գրիգոր Նարեկացի, Մատեն և լրերգութեան, Երևան, 1985, էջ 306.

При желании в этих строках можно рассмотреть влияние Нового Завета («не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого» — Матф. гл. 6, 13). Однако тогда должно констатировать, что идеологи, стоявшие у истоков христианства, никак не могли призывать бога «не судить», ибо ждали его именно как судью («каким судом судите, таким будете судимы» — Матф. 7, 2, «...и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения» — Иоан. 5, 29 и т. д. и т. п.). Если сущность бога-судьи в эпоху становления христианства могла привлечь представителей обездоленных социальных слоев, то в эпоху развитого феодализма она стала идеологическим оружием и усердно пропагандировалась ортодоксальной церковью с целью укрепления своей духовной и политической власти⁵, и естественно, вышеупомянутое морально-религиозное стремление Нарекаци объективно противоречило господствующей идеологии. «Человеколюбие» — важнейший атрибут, которым наделяет Нарекаци своего идеала — Бога (*Ջհալը քը հփօր... Մարդասիրապէս և անարժանիս իմոյ. անձին կնքեցեր*)⁶, а когда бог представляется ему грозным судьей, он призывает его «человеколюбить» (*մարդասիրեալ*)⁷.

Не смирившись с обрекающей сущностью бога, поэт, восхваляя его, вновь и вновь утверждает созидающее начало.

Ոչ ես դատաւապառիշ, այլ ազատիշ,

.....

Ոչ ես մահացուցիշ, այլ կեցուցիշ,

.....

Ոչ ես անհծիշ, այլ աւոհնիշ,

Ոչ ես վրիժառու, այլ շնորհիշ,

Ոչ ես թշուառացուցիշ, այլ մխիթարիշ:

Ոչ պատճառս յաւդեա մահու,

Այլ հնարս խնդրեա կենաց

.....

Ոչ ես ի կամս շարժեալ սատակման,

Այլ ի փրկութիւն ողորմութեան...

.....

Ոչ րեքեա վճիռ կորսեալ,

Այլ կտակ ազատութեան...⁸

Ты не приговаривающий, а освобождающий...

Ты не убивающий, а дающий жизнь...

⁵ Идеи божественного наказания и суда существуют, конечно, и в исламе, об этом Е. Э. Бертельс пишет: «Нельзя не признать, что наибольшей художественной силой в Коране отличаются именно те суры, которые посвящены увещанию и угрозам. Видения Страшного суда, грозные картины ревущего пламени адской пучины... — все это должно было в те времена производить потрясающее впечатление. Перед верующими стоял образ бога — грозного судьи... Хотя Аллах и носит эпитеты ар-рахман ар-рахим («всемилоостивый, милосердный»), но он сам предупреждает, что уйти от расплаты не сможет никто...» (Е. Э. Бертельс, Суфизм и суфийская литература, М., 1965, с. 15—16).

⁶ *Մահեալ ողորմութեան, էջ 263:*

⁷ Там же, с. 252, 295.

⁸ Там же, с. 579.

модовлеющей ценности образ... не имеет вовсе, назначение его—служить только своего рода словесным иероглифом, значком, прикрывающим собой истинное философское значение... Основная тема всякого суфийского стихотворения предусмотрена заранее и ничего кроме таухид или вахдат- и вуджуд в нем воспето быть не может»¹³. Но уместно вспомнить, что намного раньше тот же принцип кодирования наблюдается в литературах христианских народов, и это обстоятельство связывается с комментарием «Песни Песней» церковью как книги о любви божественной. Как известно, автором такого комментария стал и Григор Нарекаци.

Трудно выделить в произведениях мистиков-гуманистов «социальную» в обычном понимании тематику, однако и здесь поднимаются проблемы не только исключительно личностного плана. Мистикам вообще присуще отрицательное отношение к реальному (для них—ирреальному) миру и к социальной действительности—для них «бренность мира сего»—непререкаемая истина: «Оставь украшения этого мира, этот мир ветер и иллюзия»,—говорит Юнус Эмре (ум. ок. 1321 г.). Суфизм создал свою систему учения о второстепенности, ирреальности мира сего. Для поэта-суфия Руми «мир—это араз, который должен привести к джевхеру. В восточной философии—джевхер—это суть, которая существует сама по себе и не требует другого условия для доказательства. А араз—это вторичное явление, обусловленное другой сутью, и нуждается в других условиях для доказательства, т. е. араз—это временное свойство, а джевхер—вечная суть, араз—это средство, а джевхер—цель»¹⁴. Но хотя бы во имя отрицания её мистики все же обращаются к социальной действительности—причем создавая такие образцы критического мышления, которые оказали немалое влияние на литераторов последующих веков. Кроме того, моральные—гуманные принципы для истинных поэтов никогда не становятся второстепенными, и они бичуют людские пороки, критикуют «сильных мира сего» со своих морально-религиозных позиций. Рассмотрим, например, небольшую притчу из шестой книги знаменитой «Месневи» Руми: «Монарх шел в мечеть и его слуги били, изгоняли людей. Один бедняга из толпы получил безо всякой вины десять ударов жезла. Тем временем слуги кричали: убивайтесь с дороги. До крови избитый человек, обращаясь к властелину, сказал: Ты—введенный в заблуждение! Смотри, вот явная несправедливость. Зачем ты спрашиваешь о том, что сокрыто, если ты идешь в мечеть, то зачем из-за этого быть беде и горю?»¹⁵. Здесь наряду с критикой деспотизма выдвинут и важный принцип о том, что религиозный ритуал не может спасти человека от скверны и потому религиозное рвенie деспота по мнению суфия суетно. Этот принцип развил и Юнус Эмре: «В этом мире, на свете том отличаются наши стихи от Корана. Без омовенья чистой водой, без движения руками и ногами, /Без поклонов совершается наше послушанье. Без Каабы и мечети, без отбивания поклонов и простираяния ниц—/До бога всегда быстро доходят наши молитвы. /Если мы и посетим Каабу, или войдем в мечеть, иль совершим омовенье,—с нами останутся наши недуги. /Как чистой быть воде, когда совершен плохой поступок?» (пер. В. Б. Куделина)¹⁶.

¹³ Е. Э. Бертельс, указ. соч., с. 109.

¹⁴ Э. Д. Джавеладзе, Джелал-ед дин Руми, Тбилиси, 1979, с. 107.

¹⁵ См.: The mathnawi of Jalal'uddin Rumi, London, 1934, vol. 6, p. 395.

¹⁶ См.: В. Б. Куделин, Поэзия Юнуса Эмре, М., 1980, Приложения, с. 115.

Образцы исключительной поэтической красочности создает Нарекаци, критикуя социальную действительность в сильно абстрагированной форме:

Если вижу война—жду смерти,
Если вижу гонца—жду жестокосердия,
Если вижу писца—жду бумаги па погибель,
Если вижу церковнослужителя—жду проклятий,
Если вижу евангелиста—жду, когда он
Отряхнет прах от ног своих,
Если вижу благочестивого мужа—жду укоров...¹⁷
(пер. Л. Мкртчяна и М. Дарбинян)

В этом отрывке поэт, обращаясь к Святому Писанию («А если что не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома, или из города того, стрясите прах от ног ваших...») (Матф, 10, 14), свидетельствует о своем времени великих социальных потрясений, о котором его современник, историк Степанос Таронеци (Асохик) пишет, что верующие отвернулись «от церкви, от креста, от священников, от молитв и от поста», «плюют в крест и в церковь»¹⁸. Всем своим творчеством утверждает Григор Нарекаци свое понимание Священного писания, идейное и литературное влияние которого на его поэзию глубоко¹⁹. Достаточно отметить лишь то, что при подготовке научного сводного текста «Книги скорбных песнопений» П. М. Хачатрян и А. А. Казинян выделили около 600 цитат из Библии или ссылок на неё, оказав этим неоценимую услугу нарекациоведению.

Не вникнув в проблему возможности существования противоречия между мировоззрением автора-индивида и его творчеством, и в противоречивую сущность самого мистицизма, невозможно рассматривать произведения поэта-мистика, правомерны и высказывания о том, что вряд ли мистицизм стал для великих поэтов Востока дзвенной до абсурда практикой. Воистину «Нарек (т. е. «Книга Скорбных Песнопений»—А. С.)—менее мистическая книга... Нарекаци присуща действительность, он не раскрывает образ человека, находящегося в спокойном созерцании неба. У него мы не встречаем ни одного психологического момента, который был бы результатом мистического погружения...»²⁰. Но в истинной поэзии всегда есть неожиданное, непредсказуемое, и вот у Нарекаци встречаются строки, где поэт говорит о своем видении:

...Առ այն զոր տեսի աշար իսկ իմովք,
Առ որ մեծ է պատասխանատուութիւնս,
Քան առ համորէն Անասարանին...²¹

За то, что я увидел своими глазами,
Я больше в ответе,

¹⁷ См.: Григор Нарекаци, Книга Скорби, с. 438—439.

¹⁸ Матенадаран, рук. 32 39-136а, а также Л. 2. Բարսիսի, Դրվագներ Հայաստանի դարգացած ֆեոդալիզմի դարաշրջանի պատմագրութեան, Երևան, 1981, էջ 120—121.

¹⁹ М. Ананиян пишет, что Нарекаци был близок присущему протестантству пониманию о том, что «единственным надежным источником христианского учения является Священное Писание и что просвещенная и здравомыслящая личность имеет право его трактовать» (Մ. Անանյանի պատմություն, Նյու-Յորք, 1932, էջ 137):

²⁰ Եղիշէ Վարդապետ, Նարեկի շալ դրականութեան մեջ, Երուսաղեմ, 1947, էջ 99:

²¹ Մասեան ոգրերգութեան, էջ 351:

Чем за все Евангелие...

Такое высказывание средневекового автора, конечно же, можно объяснить только как результат полета мысли, сверхнапряжения творческих сил²².

Проблема сравнительного изучения литературного наследия христианских мистиков и суфиев тесно переплетается с проблемой «восточного Ренессанса», вызвавшей острые научные споры. Но надо отметить, что даже многие ученые, которые оспаривают целесообразность применения дефиниции Ренессанс в отношении литератур Востока, настаивают на плодотворности типологических сопоставлений и на выяснении элементов предренессансного или ренессансного культурного развития там, где они наблюдаются за пределами Западной Европы, считая существенным исследование общих закономерностей мирового литературного процесса для разработки концепции истории всемирной литературы рассматриваемого периода как некой потенциальной целостности²³. «Сторонники же теории восточного Ренессанса» указывают на то, что «Некоторые страны Востока знали свое Возрождение, хотя, разумеется, не в той классической форме, которую оно обрело в Италии. Но это было именно восточное Возрождение, а не недоразвившийся и блеклый предшественник западного, подъем, который с удивительной полнотой вообрал и отразил особенности своей культуры и специфику её развития, поэтому поиски буквальных совпадений и тождества во всем между ними являются нелепостью, которая будет порождать нескончаемые споры»²⁴.

Широкая трактовка Возрождения и базирующиеся на ней теории восточного Ренессанса, подход к Ренессансу как к эпохе необязательно светской, дефиниция «гуманизм возрожденческий» позволяют говорить о Нарекаци, Руми и других поэтах именно как о ранневозрожденческих гуманистах, четче характеризовать их место в истории мировой культуры.

Сравнительное изучение творческого наследия Григора Нарекаци и поэтов-суфиев наводит на размышления о том, что здесь выявляются не только типологически общие черты, на наш взгляд, правомерно выдвижение гипотезы о возможном влиянии поэзии Нарекаци на дальнейшее развитие суфийской поэзии, в пользу этого свидетельствуют следующие доводы: в поэзии Нарекаци намного раньше и глубже были раскрыты неоплатонические идеи²⁵; здесь раньше применено кодирование философских-религиозных понятий посредством «земных» образов, созданы некоторые поэтические образы, которые потом встречаются в суфийской поэзии; политическая, экономическая и культурная характеристики эпохи Нарекаци позволяют делать довольно обоснованные предположения о механизме возможного воздействия. Во всяком случае уже сегодня ясно одно—дальнейшее изуче-

²² Մ. Ռ. Քաճարյան, Անահիտ Նարեկացի, Կյանքը և ճատենագրությունը, Երևան, 1986, էջ 367:

²³ История всемирной литературы, М., 1985, с. 20.

²⁴ Н. В. Гончаренко, Диалектика прогресса культуры, Киев, 1987, с. 304—305.

²⁵ О соотношении неоплатонизма и гуманистических идей Ренессанса А. В. Лосев пишет: «Неоплатонизм Ренессанса обычно резко противопоставляется возрожденческому гуманизму, в то время как эти два течения мысли представляли собой в те времена нечто единое... Все возрожденческие неоплатоники... были насквозь гуманисты... (Типология и периодизация культуры Возрождения, М., 1978, с. 61).

ние как типологических общностей и особенностей, так и взаимосвязей, взаимодействий литератур восточнохристианских и мусульманских народов не может успешно продолжаться без привлечения материалов наречания.

ԳՐԻԳՈՐ ՆԱՐԵԿԱՏՈՒ ԵՎ ՍՈՒՖԻ ԲԱՆԱՍՏԵՂԾՆԵՐԻ
ՀՈՒՄԱՆԻԶՄԻ ՄԱՍԻՆ

Ա. Վ. ՍԱՖԱՐԻԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Միջնադարյան գրականության մեջ էական տեղ է գրավում «Աստված» ու «Մարդ» հասկացությունների մեկնաբանությունը. այդ հասկացությունների որոշակի մեկնաբանման մեջ արտացոլվում է նաև բանաստեղծների հումանիզմը: Արևելյան վերածննդի տեսության լույսի ներքո անդրադառնալով հայ մեծ միստիկ-բանաստեղծ Գրիգոր Նարեկացու հումանիզմին՝ հետաքրքիր գուգահեռներ են ի հայտ գալիս Նարեկացու ու սուֆի բանաստեղծների ստեղծագործությունների միջև, հատկապես «Աստված» ու «Մարդ» հասկացությունների ու դրանց փոխադարձ կապի մեկնաբանման առումով:

ABOUT THE HUMANISM OF GRIGOR NAREKATSI
AND POETS—SUFISTS

A. V. SAFARIAN

S u m m a r y

In literatures of the Middle Ages the interpretation of conceptions "God" and "Man" takes an essential place, by means of certain interpretation of these conceptions in works of fiction the authors' humanism is expressed too. Handling the humanism of the great Armenian poet-mystic Grigor Narekatsi in the light of the theory of "Eastern Renaissance", it's interesting to pass some parallels between the works of Narekatsi and the poets-sufists, especially—from the point of view of dynamics of interpretation of conceptions "God" and "Man" and their correlation,